BG Pulse Journal USA
ISSN:1947-2536 http://www.bgpulseusa.com/index.php/bg
BG PULSE JOURNAL

THE EASTERN STATE OF MIND IN THE CONTRASTING ARTISTIC REPRESENTATION OF KOREAN AND UZBEK WOMEN: A CASE STUDY OF HAN KANG'S WORKS

Aziza Soleeva Mukhamadievna
Samarkand State Institute of Foreign Languages,
Samarkand, Uzbekistan
E-mail: azizasoleeva@gmail.com

Abstract

This article examines the contrasting representation of Korean and Uzbek women within the framework of the Eastern state of mind through the works of Nobel Prize laureate **Han Kang**. Based on an analysis of the novels The Vegetarian, Human Acts, and We Do Not Part, the study identifies the key characteristics of Korean female subjectivity, including inner resistance to patriarchal norms, bodily rebellion, rejection of socially prescribed gender roles, and the pursuit of freedom through self-destruction or psychological breakdown. In comparison, the article explores traditional female images in Uzbek classical literature, particularly in the works of Alisher Navoi and the epic Alpomish, as well as contemporary interpretations of womanhood in modern Uzbek prose. The study concludes that the concept of the Eastern state of mind is not monolithic. The Korean female model represented by Han Kang is characterized by radical individualism and conflict with society, whereas the Uzbek literary tradition more frequently emphasizes women's role in preserving family lineage, national identity, and collective values. At the same time, contemporary Uzbek literature demonstrates a growing tendency toward greater autonomy and individuality in the portrayal of female characters.

Keywords: Han Kang, Korean literature, Uzbek literature, female representation, Eastern state of mind, patriarchy, corporeality, postcolonial feminism, comparative analysis.

«Восточное душевное состояние в контрастном художественном изображении корейских и узбекских женщин на примере произведений Хан Ган»

Аннотация

В статье рассматривается контрастное изображение корейских и узбекских женщин в контексте «восточного душевного состояния» на примере произведений лауреата Нобелевской премии Хан Ган. На основе анализа романов «Вегетарианка», «Человеческие поступки» и «Я не прощаюсь» выявляются ключевые черты корейской женской субъективности: внутренний протест против патриархальных устоев, телесное сопротивление, отказ от предписанных социальных ролей и поиск свободы через саморазрушение или безумие.[1,28] В сопоставлении с этим рассматриваются традиционные образы женщин в узбекской классической литературе (Алишер Навои, эпос «Алпамыш»), а также современные интерпретации женского начала в узбекской прозе. Делается вывод о том, что «восточное душевное состояние» не является монолитным: корейская женская

модель, репрезентированная Хан Ган, отличается радикальным индивидуализмом и конфликтностью по отношению к социуму, в то время как узбекская литературная традиция чаще акцентирует связь женщины с сохранением рода, национальной идентичности и коллективных ценностей, хотя в современной узбекской литературе намечается сдвиг в сторону большей автономии женских персонажей.

Ключевые слова: Хан Ган, корейская литература, узбекская литература, женские образы, «восточное душевное состояние», патриархат, телесность, постколониальный феминизм, сравнительный анализ.

Введение

В 2024 году южнокорейская писательница Хан Ган стала первой азиатской женщиной, удостоенной Нобелевской премии по литературе — с формулировкой «за напряженную поэтическую прозу, которая противостоит историческим травмам и обнажает хрупкость человеческой жизни».[2,4] Это событие ознаменовало не только признание индивидуального таланта, но и симптоматичный поворот мирового литературного канона в сторону азиатской женской прозы, проблематики насилия против женщин и травматического опыта. Творчество Хан Ган предоставляет богатый материал для осмысления того, как корейская женская субъективность артикулируется через отказ, боль и трансформацию тела. Настоящая статья ставит своей задачей сопоставить образы женщин в прозе Хан Ган с традиционными и современными женскими образами узбекской литературы. Под «восточным душевным состоянием» здесь понимается не эссенциалистская категория, а скорее совокупность культурно-обусловленных паттернов переживания, самосознания и отношения женщины к социуму, семье и собственному телу. Цель работы — показать, что в рамках «восточных» литератур существуют принципиально разные модусы женского существования, и контраст между корейской и узбекской моделями позволяет высветить специфику каждой из них.

Для анализа женских образов у Хан Ган продуктивным представляется синтез постколониального феминизма и гендерной географии. Постколониальный феминизм позволяет рассматривать корейскую женщину как субъекта, переживающего «двойной удар» — колониального наследия (японская оккупация 1910–1945 годов, Корейская война, авторитарные режимы) и патриархального угнетения, коренящегося в конфуцианской идеологии. В корейской женской поэзии, как показывают исследования, «женская субъективность проявляется как острая рефлексия над реальностью, где женщина является Другим по отношению и к колониальному господству, и к патриархату».[3,33] Эта двойная маргинальность находит яркое выражение в прозе Хан Ган. Гендерная география, в свою очередь, предлагает анализировать, как женские тела и пространства (дом, кухня, больница, психиатрическая клиника) становятся ареной борьбы за контроль и субъектность. Исследования романа «Вегетарианка» показывают, как «гендерные пространства трескаются и реконструируются через телесное сопротивление женщин». Этот подход оказывается релевантным и для сопоставительного анализа: узбекские женские образы традиционно вписаны в иные пространственные и социальные координаты эпос, гарем, поэтическая лирика, где женское начало часто идеализируется, но редко бунтует. Центральный роман Хан Ган, принесший ей международную известность, повествует о Ким Ёнхе, заурядной домохозяйке, которая после серии жестоких снов принимает решение перестать есть мясо. Этот отказ от пищи оказывается метафорой гораздо более радикального отказа от гендерных

ролей, семейных обязательств и самого патриархального порядка. «Единственное, что их объединяет это Ёнхи, та самая вегетарианка. Её сложно назвать главной героиней, она больше похожа на главный объект книги, она некий краеугольный камень, причина всех зол». Ёнхе лишена голоса на протяжении большей части романа; о ней рассказывают муж, зять и сестра. Ее муж на званом ужине «лишает Енхе ее собственного взгляда и ее борьбы, создавая новую, более правильную для общества в целом концепцию». Этот контроль над нарративом символизирует более широкий феномен: корейское патриархальное общество систематически отнимает у женщины право на собственную историю. Ответ Ёнхе регресс к дочеловеческому состоянию. Она отказывается от еды, секса, речи, а затем и от человеческой формы, воображая себя деревом: «Я уже не животное, сестра. Я теперь могу вообще ничего не есть. Могу жить без еды. Лишь бы солнце светило».[4,43] Как отмечают исследователи, «Ёнхе предпочитает сбежать от рамок, выстроенных для женщин в обществе. Она отказывается от сущности, которая принадлежала мужу, отцу, всем, но не ей». Интересно, что безумие Ёнхе перекликается с историей движения суфражисток в Великобритании, которых, как и Ёнхе, подвергали насильственному кормлению в тюрьмах. Хан Ган тем самым универсализирует опыт женского сопротивления, помещая его в корейский контекст. Однако финал остается амбивалентным: «возрождение Енхе должно произойти в форме смерти ее земного тела и слияния ее духа с природой, как она и задумывала». Свобода достигается ценой уничтожения — радикальный, но трагический вывод.

Если «Вегетарианка» исследует приватное измерение женского протеста, то «Человеческие поступки» (2014) расширяет его до исторической травмы. Роман основан на реальных событиях подавлении студенческого восстания в Кванджу в 1980 году, во время которого погибли сотни мирных жителей. Повествование ведется от лица нескольких персонажей, среди которых — женщины, пережившие сексуальное насилие со стороны военных. «Писательницу интересуют больше мысли, чувства и поступки простых людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Неслучайно ее героинями стали женщины». Здесь Хан Ган вплотную подходит к постколониальной феминистской оптике: женское тело становится полем, на котором выписываются травмы национальной истории. Сон Чжу, одна из рассказчиц, «пережившая страшные сексуальные пытки во время восстания и в наши дни ставшая активисткой», воплощает переход от индивидуального страдания к коллективной свидетельнице. Женщины в этом романе не жертвы в пассивном смысле, а хранительницы памяти и агенты сопротивления.[5,53]

В недавнем романе «Я не прощаюсь» (2021), сыгравшем ключевую роль в присуждении Хан Ган Нобелевской премии, центральной фигурой снова становится «хрупкая и изломанная женщина Кёнха, измученная телом и духом, утратившая связь с повседневностью». Однако здесь к мотиву женского страдания добавляется мотив женской солидарности. Кёнха отправляется на остров Чеджудо к своей подруге Инсон, и это путешествие превращается в «странствие через снег, отключенное электричество и собственную боль к границе между жизнью и смертью, памятью и забвением». «Здесь снова возникают мотивы сестринской связи, женского сопротивления и природы как безмолвного свидетеля происходящего». Триада «Вегетарианка», «Человеческие поступки», «Я не прощаюсь» демонстрирует эволюцию корейского женского образа у Хан Ган: от изолированного, молчаливого протеста через историческую травму к попытке коллективного исцеления через женскую дружбу и память.

Узбекская литература обладает богатейшим наследием в изображении женщины. В классической поэзии Алишера Навои (XV век) женский образ предстает как социально активный, просвещенный и трудолюбивый. Исследования показывают, что «женщины в поэзии Навои не уступают никому в работе в государственном управлении, они активно участвуют в общественной жизни, приобретая знания и профессию». В газелях и рубаи Навои воспевается женская верность, любовь, но также и социальный статус женщины. Образ матери-женщины у Навои «уникальным образом репрезентирует идентичность, формирование и манифестацию целого народа и нации». Совершенно иной модус женского бытования демонстрирует эпос «Алпамыш», где героиня Барчин сочетает «воинственность, борьбу за личную и национальную независимость с ролью хранительницы рода и семейного очага». Образ женщины-воина, распространенный в тюркском эпосе (Барчин, Гулейим, Гурдофарид, Тумарис), символизирует «справедливость, мужество, независимость и силу духа», но при этом всегда остается в рамках коллективного долга — защиты народа и семьи, а не индивидуального освобождения. Важно отметить, что в узбекской литературе существовала и женская поэтическая традиция. Нодирабегим (Мохларойим), поэтесса XIX века, «наполняла классические мотивы отчетливо женской перспективой, способствуя эволюции узбекского литературного наследия». Ее газели и рубаи демонстрируют возможность лирического высказывания от лица женщины, оставаясь в рамках классической формы. Сравнительные исследования русской и узбекской литературы фиксируют устойчивую особенность: «в узбекской литературе женские образы больше связаны с сохранением традиций, семейных обязанностей и национальной идентичности». В то время как русская литература (а в нашем сопоставлении и корейская проза Хан Ган) «акцент часто делает на внутренние переживания, моральные конфликты и поиски личной свободы». Однако в современной узбекской прозе и поэзии намечаются сдвиги. Появляются произведения, где женские персонажи изображаются как «независимые, конфликтные и социально осознанные индивиды». Исследователи отмечают, что «современная литература все чаще изображает женщин как независимых, конфликтных и социально осознанных личностей», что свидетельствует о постепенном отходе от чисто традиционалистских репрезентаций. Сопоставление корейских женских образов у Хан Ган с узбекской литературной традицией позволяет выделить несколько ключевых различий.

У Хан Ган женское тело-это поле битвы. Ёнхе отказывается от пищи, худеет до анорексии, покрывается синяками после принудительного кормления, подвергается сексуализированному насилию со стороны зятя. Тело источник страдания, но также единственное пространство, где женщина может осуществить свой протест. В узбекской классике, напротив, тело женщины либо идеализируется (как у Навои «верующая, просвещенная, красивая и грациозная»), либо маркируется как опасное и подлежащее контролю. Телесность не становится самостоятельной категорией сопротивления.

Корейские героини Хан Ган стремятся разорвать семейные узы. Ёнхе бросает мужа, отказывается от роли домохозяйки, отвергает власть отца. Кёнха в «Я не прощаюсь» утратила связь с повседневностью настолько, что ее существование поставлено под вопрос. Семья здесь не убежище, а тюрьма. В узбекской литературе, напротив, «женские образы больше связаны с сохранением традиций, семейных обязанностей и национальной идентичности». Даже женщина-воин в эпосе сражается ради семьи и рода, а не против них. У Хан Ган женская субъектность обретается через негацию отказ от еды, от речи, от человеческого облика. Ёнхе становится деревом это радикальная форма побега из культуры обратно в природу. Узбекская женщина, напротив, обретает субъектность через активность:

социальную, государственную, просветительскую. У Навои «женщины не уступают никому в работе в государственном управлении, они активно участвуют в общественной жизни». Это разные стратегии: для корейской героини мир безнадежно враждебен, и спасение в его покидании; для узбекской героини мир может быть изменен изнутри, через социальную активность. Женские персонажи Хан Ган глубоко одиноки. У Ёнхе нет подруг, нет солидарности с другими женщинами (сестра предает ее, отдав в психиатрическую клинику). Лишь в позднем романе «Я не прощаюсь» появляется мотив женской дружбы как возможного пути к исцелению. Узбекская литература, напротив, часто вписывает женщину в коллектив семью, род, нацию. Даже когда женщина борется, она борется за других. Это различие, возможно, коренится в разных социальных историях: Корея пережила колониализм, войну, разделение нации и стремительную модернизацию, разрушившую традиционные связи; Узбекистан, при всех травмах советского периода, сохранил более устойчивые формы патриархальной солидарности.[6,48]

Творчество Хан Ган предлагает миру радикально новую версию «восточного душевного состояния», где женщина не принимает свою участь молчаливо и покорно, а бунтует ценой безумия, самоуничтожения или отречения от человеческого. Ее героини это фигуры негативной свободы, для которой освобождение возможно только через уход из мира, где патриархальная и постколониальная травмы сделали женское существование невыносимым. Сопоставление с узбекской литературной традицией показывает, что «восточное душевное состояние» не является гомогенным. Узбекская классика предлагает альтернативный модус женского существования через социальную активность, сохранение традиции и служение коллективу. Однако и здесь намечаются сдвиги: современная узбекская литература все чаще обращается к изображению женщин как независимых, конфликтных и социально осознанных личностей. Дальнейшие исследования могли бы расширить это сопоставление, включив в него других корейских авторов (например, Пак Кённи с ее эпопеей «Земля») и более широкий корпус современной узбекской прозы. Актуальность такой работы определяется не только академическим интересом, но и практической необходимостью в эпоху глобализации литературы, когда корейские и узбекские тексты все чаще входят в мировые антологии, понимание их внутреннего разнообразия становится важным инструментом адекватного межкультурного диалога.

Список литературы

1. Хан Ган. Вегетарианка. — М.: АСТ, 2016. (Ссылки в тексте: [1, 28], [1, 43], [1, 156], [1, 187]).
2. Хан Ган. Человеческие поступки. — М.: АСТ, 2020.
3. Хан Ган. Я не прощаюсь. — Seoul: Munhakdongne, 2021.
4. Barashkova S.N., Zhelobtsov F.F. Роль авторской метафоры в поэтике современной русской и корейской прозы // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 4 (106). — Ч. 4. — DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.105.[reference:31]
5. Ишниязова Ш.А., Эгамова М.Х. Образ женщины-воина как символ справедливости и независимости в узбекской литературе // Неофилология. — 2026. — № 12.
6. Адилова Д.К. Отличительные особенности женских образов в русской и узбекской литературе // Каршинский государственный технический университет. — 2024.

7. Cracks and Reconstruction of Gendered Spaces: Focusing on Han Kang's "The Vegetarian". — KCI Journal.
8. Study on Postcolonial Feminism in Korean Woman's Poetry: Focusing on the poetry of Ko Jeonghee, Kim Seunghui, Heo Sukyung // KCI. — 2017.
9. Rahmonova Sh. The Image of a Woman and Her Social Position in Navoi's Poetry // American Journal of Philological Sciences. — 2023. — Vol. 3, No. 12. — P. 104–114.
10. Female Characters in Uzbek Literature: Historical and Contemporary Interpretations. — Hebis.